

Я. С. СМЕРНОВА

ВОЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ В НАРТСКОМ ЭПОСЕ

Развивая предложенную Л.-Г. Морганом периодизацию истории первобытного общества, Ф. Энгельс в последнем разделе своего труда «Происхождение семьи, частной собственности и государства» подверг специальному рассмотрению заключительный этап первобытно-общинного строя — эпоху военной демократии. В этом же труде Энгельс блестящим образом показал черты военной демократии в древнегреческом гомеровском эпосе. К сожалению, впоследствии подобного рода анализ народных героических эпосов почти не имел места в нашей научной литературе: едва ли не единственной специальной работой на эту тему является статья С. П. Толстова «Военная демократия и проблема генетической революции»¹. Между тем, героический эпос, по выражению Маркса, «связанный известными формами общественного развития»², несомненно является одним из важнейших источников для реконструкции основных черт эпохи военной демократии. Немалый интерес в этом аспекте представляет, в частности, нартский героический эпос.

Нартский эпос, богато представленный в фольклоре северокавказских, а отчасти и закавказских народов, занимает видное место среди эпических памятников мира. Являясь общим достоянием всех этих народов, он отражает их этнические связи, многовековое общение, культурную близость и взаимовлияние. В то же время, будучи глубоко национальным у каждого отдельного народа, древний нартский эпос является важным источником для изучения исторического прошлого ряда народов Кавказа. Отсюда тот неослабевающий интерес к сбору и изучению сказаний о нартах, который, возникнув уже более столетия назад, особенно возрос в наше время в связи с общим расцветом науки и культуры в советских республиках Кавказа. Работы акад. В. Ф. Миллера, Н. С. Трубецкого, Л. П. Семенова, Б. В. Скитского, И. В. Джанаева, Ж. Дюмезиля и особенно самая крупная и обобщающая работа о нартах — «Нартовский эпос» В. И. Абаева дали очень много для понимания условий и времени сложения нартского эпоса, понимания его сюжетов и образов.

Тем не менее в отношении ряда важнейших вопросов, встающих при историческом изучении сказаний о нартах, до настоящего времени не достигнуто достаточной ясности. К числу их, в частности, относится вопрос о том, что представляло собой нартское общество и кто такие были сами нарты, или же, иными словами, вопрос о времени формирования основных сюжетов и образов эпоса.

Согласно мнению, утвердившемуся в нашей литературе, нартские сказания складывались на протяжении двух тысячелетий (от скифских

¹ С. П. Толстов, Военная демократия и проблема генетической революции, «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 7—8.

² К. Маркс, К критике политической экономии, Госполитиздат, 1953, стр. 225.

времен и до татаро-монгольского нашествия XIII в.) и отразили в себе две исторические эпохи — родовое общество и родившийся на его развалинах феодализм, причем отразили преимущественно первую из этих эпох — родовое общество. Так, в «Нартском эпосе» В. И. Абаева указывается, что хотя в посвященных нартам сказаниях оставили след «все типы и оттенки общественных отношений, начиная от матриархата и до феодализма», в основном — это «эпос родового строя»³. Та же мысль проводится в вводных статьях к собраниям осетинских⁴ и кабардинских⁵ нартских сказаний, а также в последней по времени работе о нартах — послесловии к собранию югоосетинских вариантов нартского эпоса. «Являясь, как и все большие национальные эпосы, многослойным (полистациональным), — говорят авторы этого послесловия В. И. Абаев и Б. А. Калоев, — заключая в себе много различных напластований, он тем не менее в своей основе может быть охарактеризован как типичный эпос родового строя с яркими пережитками матриархата (образ Сатаны)»⁶.

Этот тезис представляется нам весьма неточным. Хотя в эпосе, который, по единодушному мнению исследователей, начал складываться уже в VIII—VII вв. до н. э., в скифскую эпоху, должны были запечатлеться и действительно запечатлелись самые различные напластования родового строя, основной и наиболее яркий фон сказаний о нартах составляет не родовый строй в целом, а его несравненно более узкий и определенный период — время распада родового строя, время военной демократии⁷.

Этот фон в одинаковой степени свойствен и осетинскому, и кабардинскому нартскому эпосу, поэтому мы и будем в дальнейшем рассматривать сюжеты этих двух национальных эпосов вместе⁸.

Анализируя комплекс военно-демократических черт, отразившихся в нартском эпосе, мы, естественно, сосредоточим внимание не на выявлении остаточных черт первобытной демократии, достаточно хорошо описанных в названных выше работах, а на чертах разложения первобытно-общинного строя и прежде всего — военной специфике эпохи.

Главное занятие нартов — военные походы (балц осетинских сказаний):

Сильны были нарты, храбрые воины,
Повсюду славились своим могуществом,
Проводили нарты весь век в сражениях,—

говорится в осетинском эпосе⁹. Не менее определенны югоосетинские варианты:

³ В. Абаев, Нартский эпос, «Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института», т. X, вып. I, Дзауджикау, 1945, стр. 19, 117.

⁴ «Нартские сказания. Осетинский народный эпос», М., 1949.

⁵ «Нарты. Кабардинский эпос», ГИХЛ, 1951.

⁶ «Нарты. Эпос осетинского народа», М., 1957, стр. 383.

⁷ В литературе о нартах эта мысль высказывалась Б. В. Скитским (см. его статью «Нартский эпос как исторический источник», Сб. «Нартский эпос», Дзауджикау, 1949, стр. 25), однако в дальнейшем она, к сожалению, не получила отклика и развития. В. И. Абаев также отмечает военно-дружинный быт нартов, но неправильно считает его характерным для родового общества в целом (В. Абаев, Нартский эпос, стр. 98; ср. его же, Историческое в нартском эпосе, Сб. «Нартский эпос», стр. 43).

⁸ Нартские сказания абхазов почти не опубликованы, однако и в отношении их имеется следующее характерное показание абхазского этнографа Ш. Д. Инал-Ипа: «Весь быт нартов пронизан героикой боевой жизни. Нескончаемые походы „для добычания славы“ образуют основные сюжетные линии эпоса... Цель войны — грабеж, отбитие скота и сокровищ, взятие неприступных крепостей, принадлежащих злым существам; наряду с этим рассказывается о защите обиженных и многом другом» (Ш. Д. Инал-Ипа, Нартский эпос абхазов, «Тезисы докладов на совещании, посвященном нартскому эпосу народов Кавказа», Орджоникидзе, 1956, стр. 22—23).

⁹ «Нартские сказания. Осетинский народный эпос», стр. 417; ср. стр. 35, 39, 51.

Любили нарты дальние походы
И после битв немногодневный отдых ¹⁰.

То же и в кабардинских сказаниях: например, Канж, «как и все молодые нарты, и после женитьбы много времени проводил в походах, дома бывал редко» ¹¹. Во время этих походов угоняют скот, захватывают детей и женщин ¹², распределяя их затем на Площади дележа. Пленников превращают в подневольных пастухов ¹³ и земледельцев ¹⁴, пленниц также заставляют работать ¹⁵.

Воинские добродетели считаются у нартов высшими, а смерть в походе — самой почетной:

Кто бесславно влачит годы последние,
На нартском кладбище недостоин лежать ¹⁶.

Напротив, труд пастуха малопочтенен. Породниться с пастухом ¹⁷, даже убить его ¹⁸ — считается постыдным.

Военный быт буквально пронизывает весь нартский эпос. Если нарты не в походе, они собираются на своем *нихасе* (осет.), или *хасе* (кабард.), где испытывается воинское умение молодежи ¹⁹, где говорят о битвах ²⁰, пируют и веселятся. «Безусых и безвестных» сюда не допускают:

Тот на хасе быть достоин,
Кто мечом разрушил горы,
Кто познал просторы мира,
Кто прошел моря и сушу,
Закалая душу в битвах! ²¹

Эти испытанные воины пьют здесь из чаши героев (*Уацамонги*, или *Нартауамонги*, осетинского эпоса), точно так же как, по рассказу Геродота и Аристотеля, раз в год пили из особой чаши воины-скифы, умертвившие врагов ²². Иногда в сказаниях воинская хаса именуется «хасой старейших», но часто в эпосе выступает иное отношение к старикам — столь же презрительное, как и к «сосункам», «безусой» молодежи:

Одряхла Урызмаг, славнейший из нартов,
Он в походах больше не участник,
Нартам молодым больше не советчик,
Коль и нужен совет, Урызмага не спросят,
А иные вовсе ни во что не ставят,
Свысока оглянут,—что мол пользы с него! ²³

Это презрение к немощным старцам, зачастую показываемым в смешном виде, а наряду с этим явственное воспоминание о том вре-

¹⁰ «Нарты. Эпос осетинского народа», стр. 26.

¹¹ «Нарты. Кабардинский эпос», стр. 435; ср. стр. 118, 349 и др.

¹² Там же, стр. 220.

¹³ Там же, стр. 288.

¹⁴ «Нарты. Эпос осетинского народа», стр. 332.

¹⁵ «Нарты. Кабардинский эпос», стр. 415.

¹⁶ «Нартские сказания. Осетинский народный эпос», стр. 51; ср. «Нарты. Кабардинский эпос», стр. 44, 373, 387.

¹⁷ «Нарты. Кабардинский эпос», стр. 130.

¹⁸ «Нартские сказания. Осетинский народный эпос», стр. 98, 338.

¹⁹ «Нарты. Кабардинский эпос», стр. 50.

²⁰ Там же, стр. 37.

²¹ Там же, стр. 41.

²² См. В. С. Миллер, Черты старины в сказаниях и быте осетин, «Журнал министерства народного просвещения», 1882, август, стр. 197; G. Dumézil, *Légendes sur les Nartes*, Paris, 1930, стр. 163.

²³ «Нартские сказания. Осетинский народный эпос», стр. 50.

мени, когда стариков убивали, сбрасывая в пропасть²⁴, находит характерную параллель в рассказе Аммиана Марцеллина о военных нравах аланов²⁵.

Таким образом, сохраняя еще, в соответствии с традициями первобытной демократии, черты общего народного собрания, нхас, или хаса, в соответствии с новыми военно-демократическими порядками в действительности является лишь собранием боеспособных мужчин-воинов, вооруженного народа, а может быть, уже даже и части его — испытанных воинов-дружинников.

Военные походы выступают как основное и постоянное занятие нартвов. По образному выражению, часто встречающемуся в югоосетинских вариантах сказаний, это — их «годи́чный путь»²⁶. В эпосе говорится также о земледелии и скотоводстве, но по сравнению с военными походами эти занятия показаны очень скупо, упоминаются они редко и бегло. Иное дело охота (речь о ней будет ниже). Неожиданно ярко и выпукло выступает одно из ремесленных занятий — металлургия (главным образом железа), кузнечество. Кузнецы и божественные покровители кузнечества — Сафа, Курдалагон, Тлепш, Худим, Айнар-ийий и др. — принадлежат к числу популярных фигур эпоса. В сказаниях очень много говорится о железном оружии — мечах, кольчугах, шлемах, трехгранных наконечниках стрел, упоминаются железные лемехи плугов и серпы, бронзовые или медные котлы и т. п. Выдающаяся роль металла, как бы восторженное почитание его, подчеркивается его необычайным, особым применением: из железа Тлепш делает себе новые ноги²⁷, бронзой или медью скрепляют разбитые головы²⁸, а самые сильные герои эпоса — Багра́дз и Сослан-Сосруко — целиком сделаны из железа, стали, булата. Эта постоянно подчеркиваемая роль железа, как и военный быт, со всей определенностью уводит нас к тесно связанной с появлением металлов эпохе военной демократии.

Характерную черту военной демократии как эпохи распада родового строя составляет то, что появляются и вступают в борьбу со старыми родовыми новые социальные начала — отношения имущественного и общественного неравенства. Энгельс, говоря о военной демократии древних греков гомеровского эпоса, указывал, что мы видим здесь «древнюю родовую организацию, но вместе с тем уже и начало подрыва ее», «начинающееся разделение общества на классы»²⁹. Именно в таком виде и выступает перед нами военная демократия в нартских сказаниях, многим напоминающая военную демократию «Илиады», хотя, может быть, и удерживающая больше пережитков первобытной родовой общины.

Среди нартвов есть уже «родовитые», или «именитые», люди³⁰. Есть бедные и богатые нарты, «бедные и богатые роды»³¹. Нарты не равны между собой. Один из сильнейших и популярнейших нартвов — Сослан-Сосруко — сын пастуха. Поэтому в кабардинском эпосе Джилахстан с презрением отказывается выдать за него свою дочь: «Все сыновья пастухов мечтают о Бадах, но не все так дерзки, как ты»³². В осетинском

²⁴ «Нарты. Кабардинский эпос», стр. 213.

²⁵ См. G. Dumézil, Указ. раб., стр. 153.

²⁶ «Нарты. Эпос осетинского народа», стр. 149, 150, 159 и др.

²⁷ «Нарты. Кабардинский эпос», стр. 319.

²⁸ «Нартские сказания. Осетинский народный эпос», стр. 127; «Нарты. Эпос осетинского народа», стр. 256.

²⁹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1950, стр. 110—111.

³⁰ «Нартские сказания. Осетинский народный эпос», стр. 3; «Нарты. Кабардинский эпос», стр. 91, 115, 133.

³¹ «Нарты. Кабардинский эпос», стр. 130; «Нартские сказания. Осетинский народный эпос», стр. 153, 160.

³² «Нарты. Кабардинский эпос», стр. 91.

эпосе Сослан, в отличие от знатного Батрадза, рисуется коварным и жестоким со слабым врагом, способным поступить бесчестно³³. То же и в абхазских сказаниях: сын пастуха Сасрыква — «не настоящий нарт», как бы противостоящий другим нартам³⁴.

Еще более характерен в этом отношении образ нартского пастуха Куйцука в кабардинском эпосе. Обычно этот образ трактуется как привнесенный позднейшей феодальной средой, но такая трактовка представляется весьма спорной. У Куйцука много общего с Терситом гомеровского эпоса. Так же как и последний, он некрасив, невзрачен, незадачлив, беден³⁵, но в то же время он, как и Терсит, является воином. Разница между ними лишь в том, что в аристократическом гомеровском эпосе Терсит выступает как фигура одиозная, в кабардинских же сказаниях, отбор которых для публикации проводился составителями «под социально-политическим углом зрения»³⁶, т. е. представлял собой прежде всего отбор наиболее демократических вариантов, Куйцук неизменно выступает как персонаж положительный. Но это — вопрос оценки: независимо от различной социальной направленности нартского эпоса и «Илиады», отраженная в них жизнь — это жизнь военно-демократического общества³⁷.

Типично военно-демократический характер носит и власть нартских предводителей. В осетинском эпосе говорится о «старших нартах»³⁸, в кабардинском — о пока еще выборных, в соответствии с традициями первобытной демократии, предводителях — *тхамата*³⁹. Специфическая особенность их власти — военное предводительство — также живо напоминает нам гомеровскую военную демократию, для характеристики которой Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» приводил следующие слова Маркса: «Короче, слово *basileia*, которое греческие писатели употребляют для обозначения гомеровской так называемой царской власти, при наличии наряду с ней совета вождей и народного собрания, означает только военную демократию (потому что главный отличительный признак этой власти — военное предводительство)»⁴⁰.

В прямой связи с вопросом о характере нартского общества стоит старый, уже не раз поднимавшийся в литературе вопрос о том, кто же такие были нарты. В «Нартовском эпосе» В. И. Абаева приведены решающие, на наш взгляд, аргументы в пользу того, что искать исторических нартвов среди племен и народов древнего Кавказа — занятие бесполезное. Но и предложенное им самим решение этого вопроса — трактовка нартвов как характерных для «солнечной, космической стадии мышления» персонажей древнеосетинской мифологии, детей Солнца (от *Nar-tae*, где *Nar* — солнце, а *tae* — осетинский суффикс фамильной принадлежности)⁴¹ — представляется более чем сомнительным. И сомнительна здесь не только марровская основа концепции. Отнесение

³³ См. В. Абаев, Нартовский эпос, стр. 47.

³⁴ См. Ш. Д. Инал-Ипа, К вопросу о матриархально-родовом строе в Абхазии, «Труды Абхазского ин-та языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа», т. XXV Сухуми, 1954, стр. 269.

³⁵ «Нарты. Кабардинский эпос», стр. 75, 228, 405.

³⁶ Там же, стр. 22.

³⁷ В. И. Абаев и Б. А. Калоев в послесловии к собранию югоосетинских вариантов нартского эпоса неправильно утверждают, что в гомеровских поэмах «фигурирует институт государства» («Нарты. Осетинский народный эпос», стр. 383). Уже Энгельс специально изучавший общественный строй греков героической эпохи, писал, что в то время еще не доставало одного — государства (Ф. Энгельс, Указ. раб., стр. 111).

³⁸ «Нартские сказания. Осетинский народный эпос», стр. 3, 400 и др.

³⁹ «Нарты. Кабардинский эпос», стр. 142, 151 и др.

⁴⁰ Ф. Энгельс, Указ. раб., стр. 109.

⁴¹ В. Абаев, Нартовский эпос, стр. 89. О нартах как «детях Солнца» В. И. Абаев говорит и в послесловии к изданному в 1957 г. собранию югоосетинских вариантов эпоса. См. «Нарты. Эпос осетинского народа», стр. 382.

нартского эпоса исключительно к древнеосетинской среде решительно противоречит широчайшее, почти общекавказское распространение нартских сказаний. Да и вообще решать вопрос о происхождении нартос с позиций лингвистики очень трудно: так же хорошо, как из осетинского, объясняется термин «нарт», например, из абхазского (как «материнский род») ⁴².

Независимо от каких бы то ни было лингвистических изысканий бросается в глаза другое. Даже в тех поздних, несомненно значительно измененных вариантах, которые донесли до нас записи нартского эпоса осетин и адыгов, нарты далеко не всегда выступают как народ, племя, род или фамилия. Сказания буквально изобилуют выражениями вроде: «стал прославленным нартом», «на поле ратном будешь ты нартом», «нарт из нартос» ⁴³ и т. п. Не менее характерно неперебиваемое осетинское выражение *partu poerton*, эмфатически дублирующее термин «нарт», — нечто вроде «самый нартский из нартос» ⁴⁴. «Попляшем на по х о д н о й доро ге н а р т о в, з а й д е м в ш а л а ш и п а с т у х о в», — говорит Батараз великану Уиту в кабардинском эпосе ⁴⁵. Очевидно, что во всех этих случаях термин «нартос» означает не представителей какой-либо этнической или фамильно-родовой группы, а воинов, героев, решительно отличающихся от мирных пастухов.

В литературе (Ж. Дюмезиль, В. И. Абаев) уже не раз отмечалось, что для нартос характерны два основных занятия: 1) походы и охота и 2) пиры и пляски. Действительно, нартос, как правило, не работают: они воюют, охотятся и веселятся.

Я — нарт Созырко, нарт огненноокий,
Я пир люблю и бой люблю жестокий. —

говорит о себе Сослан югоосетинских сказаний ⁴⁶. С точки зрения мифологической концепции, образ жизни нартос объяснялся тем, что одно свое занятие они унаследовали от предка-Солнца, другое — от предка-Волка ⁴⁷. Но почему в таком случае поколения сказителей, передававших эпос в жизненных образах, наделявших его яркими жизненными чертами, оставили нартос как бы «нетрудовым элементом»? Ведь сказители не были знакомы с концепцией мифологической школы и с учением Н. Я. Марра, они не знали, что такое «тотемическая», «космическая», «солнечная» стадии мышления. В их сказаниях нартос не работают или почти не работают отнюдь не потому, что они являются детьми Солнца и Волка.

Думается, что образ жизни нартос объясняется гораздо проще. Нартос, во всяком случае в своем первоначальном значении, — это не весь народ, а лишь часть его, опозтизированные воины, дружинники, добытчики эпохи военной демократии, те, о ком Энгельс писал: «Грабеж им кажется более легким и даже более почетным, чем созидательный труд» ⁴⁸.

Это положение не ослабляется, а, напротив, даже подтверждается тем обстоятельством, что наряду с походами и пирами одним из основных занятий нартос является охота. Некоторые исследователи полагают, что в многочисленных охотничьих эпизодах нартский эпос донес до нас свидетельство о древнейшем занятии народов — носителей нартских

⁴² См. Ш. Д. Инал-Ипа, К вопросу о матриархально-родовом строе в Абхазии, стр. 270.

⁴³ «Нартос. Кабардинский эпос», стр. 456, 145, 278, 287, 373.

⁴⁴ См. В. Абаев, Из осетинского эпоса. 10 нартосских сказаний, текст, перевод, комментарий, М.—Л., 1939, стр. 79.

⁴⁵ «Нартос. Кабардинский эпос», стр. 302. Разрядка наша.— Я. С.

⁴⁶ «Нартос. Эпос осетинского народа», стр. 260.

⁴⁷ В. Абаев, Нартосский эпос, стр. 95.

⁴⁸ Ф. Энгельс, Указ. раб., стр. 170.

сказаний, занятия, позднее сменившемся скотоводством и земледелием⁴⁹. Согласиться с этим невозможно: нельзя допустить, что сказания, в подавляющем большинстве своих эпизодов раскрывающие перед нами позднее, уже разлагающееся родовое общество, общество эпохи военной демократии, в то же время отражают в качестве основного занятия столь раннюю форму хозяйственной деятельности, как охота. Остается признать, что охотничьи экспедиции нарттов — это не снискание средств к жизни, а «богатырская потеха» тех же воинов-добытчиков, не жизненно важный промысел первобытных людей, а скорее удачное времяпровождение, подобное охотничьим забавам позднейших феодалов.

В литературе о нартском эпосе высказывалось предположение, что нартты — пришлые завоеватели, покорившие кавказские племена и составившие их знать. Эта своеобразная «норманская теория» в применении к народам Кавказа впервые была высказана в 1860-х годах В. Б. Пфаффом, считавшим нарттов какими-то азиатскими завоевателями⁵⁰. В 1920-х годах теория Пфаффа была принята и развита М. В. Рклицким. По Рклицкому, нартты — «дружинники — выходцы из какого-либо иранского племени, родственного осетинам, ставшие в качестве завоевателей высшим у них сословием»⁵¹. В подтверждение своей концепции М. В. Рклицкий ссылается на Н. Я. Марра, считавшего, что знать у народов Кавказа образовалась из пришлых завоевателей⁵². Рклицкий модернизирует нартское общество, стремится найти в нем сложившиеся сословия, среди которых нартты, по его мнению, являются сословием аристократии⁵³.

Истина, по-видимому, лежит посередине. Нартты еще, конечно, не класс и не сословие, но уже и не весь народ. Используя образ эпоса, можно сказать, что походные дороги нарттов уже пролегали в стороне от пастушеских шалашей. Нартты — воины-добытчики, уже отчасти отделившиеся и все больше обособляющиеся от простого народа, с тем чтобы впоследствии, с окончательным распадом родового строя, образовать его аристократическую, эксплуататорскую верхушку.

Говоря о нартском эпосе как эпосе в основном военно-демократическом, в заключение коротко остановимся на соотношении различных исторических наслоений в сказаниях о нартах.

Несомненно, что в эпосе можно выделить (и это не раз делалось) мотивы, связанные с различными историческими эпохами: матриархатом, патриархатом, раннеклассовым обществом. Однако к подобного рода систематизации следует относиться очень осторожно. Многие сюжеты эпоса, фигурировавшие в литературе как восходящие к матриархату или же привнесенные феодальной средой, на деле так же характерны и для периода военной демократии. Ведь последний тем и замечателен, что диалектически сочетает в себе элементы родового строя (в том числе подчас и некоторые пережитки материнского рода) с элементами развивающихся классовых отношений.

Возьмем, например, матриархат, который исследователи нартского эпоса зачастую усматривают всюду, где женщина еще сохраняет, так сказать, человеческое подобие. Так, в вводной статье к собранию кабардинских нартских сказаний матриархальными объявляются все без

⁴⁹ См., например, предисловие С. Битиева к собранию осетинских нартских сказаний издания 1949 г., стр. VI, или же послесловие В. И. Абиева и Б. А. Калоева к юго-осетинскому собранию издания 1957 г., стр. 385.

⁵⁰ В. Пфафф, Материалы по древней истории осетин, «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. IV, Тифлис, 1870.

⁵¹ М. В. Рклицкий, К вопросу о нартах и нартских сказаниях, Владикавказ, 1930, стр. 33.

⁵² Там же, стр. 15.

⁵³ Там же.

исключения женские образы эпоса: не только Сатаней, но и Адиюх, Малечипх и др.⁵⁴ Между тем, в образе Адиюх показана лишь хорошая помощница мужа, а в образе Малечипх — умная и беззаветно преданная своему нареченному девушка; матриархат отразился здесь не больше, чем в образе верной Пенелопы. Даже и в фигуре Сатаны-Сатаней, несомненно матриархальной, архаические матриархальные черты исследователи нередко смешивают с чертами, характерными и для позднейшего времени. Ведь и в патриархальной большой семье старшая хозяйка, в противоположность невесткам, особенно младшим, отнюдь не была угнетенной и приниженной: она оставалась всеми уважаемой хозяйкой и матерью, с советами которой считались не только женщины, но и мужчины.

Связывали нартские сказания с материнско-родовой эпохой и на основании тотемных имен героев эпоса, объясняемых из осетинского как «волк» (Уархаг), «дикий кабан» (Урызмаг), «зверь» (Сирдон) и т. п.⁵⁵ Однако эти имена столь же хорошо объяснимы условиями и воззрениями эпохи военной демократии. Осетинское имя Уархаг, так же как германское Вольф или славянское Волк, нарекалось мальчику, которого хотели видеть сильным и добычливым воином. Характерно в этой связи, что из заимствованных, некавказских мужских имен героев эпоса мы встречаем в сказаниях преимущественно такие устрашающие, как, например, Бендзенег (печенег), Крым-Султан и т. п. Думается поэтому, что многие сюжеты эпоса, трактуемые в литературе как материнско-родовые, при более тщательном рассмотрении могут быть отнесены и ко времени распада родового строя⁵⁶.

Равным образом нет оснований рассматривать все сюжеты, выходящие за рамки первобытной родовой общины, как позднейшие феодальные наслоения. Такие наслоения в эпосе, на протяжении ряда веков бытовавшем в классовом обществе, конечно, имеются, но при анализе их, так же как при анализе матриархальных сюжетов, необходимо различать явления, уже свойственные периоду военной демократии, и явления, проникшие в эпос позднее. Так, военно-демократический, а не позднейший феодальный характер несут отмечавшиеся выше общественно-экономическое неравенство родов, презрение к мирным труженикам-пахотам, образ кабардинского Куйцука и т. п. Но, конечно, уже антифеодальной идеологией веет от такого эпизода осетинского нартского эпоса, как наделение Урызмагом бедной вдовы имуществом эксплуататора-алдара⁵⁷.

Подведем итоги сказанному.

1. Несмотря на пережитки более ранних и наслоения позднейших периодов, общество, рисуемое нартскими сказаниями народов Кавказа, — это типичное военно-демократическое общество с его непрерывными военными походами как постоянным промыслом, с его военно-дружинным бытом и характерным времяпровождением дружинников — охотой, военными играми, пирами.

⁵⁴ «Нарты. Кабардинский эпос», стр. 7.

⁵⁵ См. В. Абаев, О собственных именах нартского эпоса, Сб. «Язык и мышление», вып. V, М.—Л., 1935.

⁵⁶ В отдельных случаях допускались и прямые ошибки, когда чисто патриархальные сюжеты трактовались как материнско-родовые. Так, женитьба Уархага на его снохе, вдове Ахсартата Дзерассе, не могла быть, как это считает В. И. Абаев («Нартский эпос», стр. 35), пережитком группового брака и матриархата уже потому, что в условиях характерной для последнего дуальной экзогамии свекор и сноха должны были принадлежать к одному роду и, следовательно, такой брак был невозможен. Недостаточно обоснованные положения, вызванные стремлением во что бы то ни стало найти побольше матриархальных сюжетов, имеются и у других исследователей нартского эпоса. Так, Ш. Д. Инал-Ипа («К вопросу о матриархально-родовом строе в Абхазии», стр. 270), видит мотив перехода от матрилокального поселения к патрилокальному в... разливе реки Кубань, разделившем абхазскую Сатаней и ее супруга.

⁵⁷ «Нарты. Эпос осетинского народа», стр. 110.

2. Нарты являются как раз этим военно-дружинным слоем общества героями военно-демократической эпохи, героями ее пышно расцветающего эпоса.

3. Анализ ряда сюжетов и образов нартских сказаний позволяет сопоставить их с таким законченным военно-демократическим эпосом, как «Илиада» Гомера. Но нельзя не подчеркнуть, что народный нартский эпос, в котором отчетливо выражена идея конечной победы «крестьянского башмака», несравненно демократичнее гомеровского. Возникла ли эта идея уже в распада родового строя, когда народы — творцы эпоса впервые столкнулись со «скверной неравенства», или же она проникла в эпос позднее, в условиях антифеодальной борьбы? Ответ на этот вопрос может дать только детальный сравнительный анализ нартских сказаний.

SUMMARY

According to the opinion prevailing in special literature the Nart epos is a «typical epos of the clan system» (V. I. Abayev). This thesis is far from being precise: the main background of the Nart legends is not the clan system as a whole, but only its late stage, called by Engels the period of military democracy. An analysis of the main theme and characters of the Nart epics will show that the society reflected in them is a military democracy in its finished form, with incessant military expeditions as a permanent occupation, with forms of life and leisure pursuits characteristic of a retinue — hunting, military games, feasts. The very term «Nart», which many scholars ineffectively try to interpret as an ethnic or mythological name, most probably is of social origin, denoting a retainer, a man-at-arms whose course, to use a figurative phrase of the epos, was leading him away from the shepherd hut.

An analysis of the Nart epos allows of juxtaposing it to such a typical epic of the military democracy as Homer's Iliad. The Nart epics, however, are more democratic for they clearly reflect the idea of the ultimate victory of the «peasant clog». The question of whether this idea took shape already at the time of the disintegration of the clan system, at the very beginning of the process of class formation, or whether it was imparted to the epics by the subsequent feudal milieu, definitely merits special investigation.